

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.3/7

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

To the Question of Criminal Law Reaction for Environmental Crime

ГАЕВСКАЯ Екатерина Юрьевна – доцент кафедры земельного и экологического права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург)

Gaevskaya Ekaterina Y. – Associate Professor of Land and Environmental Law Department, Ural State Law University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Yekaterinburg)

ekaterinagaevskay@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые аспекты уголовно-правового воздействия на экологические преступления в Российской Федерации. Анализируются вопросы эффективности уголовной ответственности за преступления против окружающей среды. Говорится о сущности и соразмерности уголовного наказания за обозначенный вид преступности.

Annotation. The paper deals with legal aspects of criminal law impact on environmental crimes in the Russian Federation. The author examines the effectiveness of criminal liability for ecological crimes. The essence and proportionality of criminal punishment for the specified type of crime is under consideration.

Ключевые слова: окружающая среда, экологическая преступность, эффективность уголовной ответственности, уголовно-правовая охрана окружающей среды, соразмерность наказания.

Keywords: environment, ecological crime, effectiveness of criminal liability, environmental protection by criminal law, proportionality of punishment.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-3-40-45

В организации охраны окружающей среды важнейшая роль принадлежит правовым средствам, ведь именно право выступает стабилизирующим фактором в жизни общества. Оно призвано утвердить, сделать постоянными, устойчивыми, незаблемыми определенными порядки, принципы, правила [1, с. 7], которые касаются охраны окружающей среды и отдельных

природных компонентов. Тем более что охрана окружающей среды является важнейшей задачей и функцией государства, выражающей его сущность и социальное назначение [11, с. 112].

Политические решения лежат в основе экологических мер и определяют отношение государства к защите экологических прав граждан. По мнению В. Д. Перевалова, «государство

должно гарантировать безопасность в политической, экономической, социальной, экологической, оборонной и других областях, без чего невозможен переход страны к устойчивому развитию» [14, с. 29]. Создание гармоничного экологического и уголовного законодательства и эффективной системы органов государственной власти – двуединая задача российского государства как правового и социального [2, с. 9].

В качестве теоретической основы правового обеспечения охраны окружающей среды хотелось бы выделить концепцию эколого-правового механизма, разработанную В. В. Петровым [15, с. 87]. Сущность концепции эколого-правового механизма можно охарактеризовать как поддержание и восстановление качества окружающей среды, под которым понимается интегрированный показатель, формирующийся на основе качественных характеристик отдельных компонентов окружающей среды: атмосферного воздуха, водных объектов, почв, растительного и животного мира.

Совершенствование правового обеспечения охраны окружающей среды тесно связано с усилением взаимодействия эколого-правовых мер с мерами юридической ответственности. Это определяется ролью и местом юридической ответственности как элемента правовой охраны окружающей среды и важнейшей гарантии выполнения правовых требований, а также обеспечивает необходимую стабильность и упорядоченность в этой сфере. Цель юридической ответственности – обеспечение законности в экологических отношениях и обеспечение экологического правопорядка, то есть такого состояния этих отношений, при котором соблюдаются нормы законодательства об охране окружающей среды. Соблюдение правовых требований и неотвратимость юридической ответственности за экологические правонарушения – приоритетные принципы охраны окружающей среды.

В современных условиях развития общества вопросы борьбы с экологическими преступлениями уже можно назвать общенациональной проблемой. Уровень преступных посягательств на окружающую среду и размер наносимого ими экологического ущерба продолжают оставаться высокими, хотя, по последним данным официальной статистики, количество зарегистрированных экологических преступлений снижается. Так, в январе – сентябре 2015 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 18,75 тыс. эко-

логических преступлений, что на 2,7 % меньше, чем за аналогичный период 2014 г. [19] Здесь необходимо отметить, что экологической преступности присуща высокая степень латентности, которая, по оценкам специалистов, достигает 80–99 % [22], что позволяет говорить о неэффективности и низком уровне деятельности правоохранительных органов по выявлению экологических преступлений и борьбе с ними.

Складывающаяся ситуация обуславливает необходимость детального исследования и изучения сущности уголовно-правового воздействия на экологическую преступность, прежде всего, связанную с необходимостью разрешения мировой кризисной экологической ситуации. Как справедливо отмечено И. Я. Козаченко, в целом уголовное право выступает необходимым и достаточно эффективным государственно-правовым регулятором отношений между людьми [10, с. 28]. Однако о вопросах эффективности уголовно-правового воздействия на экологическую преступность, на взгляд автора, говорить пока рано. Еще М. И. Ковалёв говорил, что «рациональная политика в области борьбы с преступностью требует заново определить роль уголовного права как средства социального контроля...» [8, с. 49].

Исследование и научный анализ уголовно-правового воздействия на экологическую преступность являются основанием для изучения воззрений на сущность, цели и свойства такого правового института как уголовное наказание. Анализируя историю этого уголовно-правового института, профессор С. В. Познышев писал: «Не существовало и не существует ни одного государства, которое хотя бы на время прекращало судить и наказывать своих преступников. Уголовное наказание есть юридическое последствие преступления, соизмеряемое с его внутренней и внешней сторонами и определяемое в установленном для того порядке судебными органами государственной власти» [21, с. 302]. Отсутствие же санкции обрекает экологические требования на бездействие.

Уголовное право Российской Федерации есть не что иное, как аспект карательного права, которое выражается в реализации видов уголовных наказаний, назначенных судом за совершение преступлений. Вопросы природы и эффективности уголовных наказаний за экологические преступления выступали предметом многих исследований. Уголовное наказание по своей

сущности, на взгляд автора, является «карой» за совершенное деяние. О карательном элементе наказания также высказывались такие ученые, как С. И. Дементьев, Б. С. Никифоров, А. А. Питковский, С. В. Полубинская, М. Д. Шаргородский и другие. В. К. Дуюнов отмечал: «отказ от термина “кара” с заменой его... понятиями “восстановления социальной справедливости”, “принуждения”... никак не меняет того обстоятельства, что смысл ответа государства на нарушение установленных запретов – кара», которую автор определяет как «справедливое осуждение, порицание виновного, объективное в своей основе соразмерное воздание ему за совершенный им поступок», «сущность и внутренний смысл уголовного наказания» [5, с. 66–67]. Так, по словам А. Л. Ременсона, «кара является сущностью уголовного наказания, а не его целью, поскольку в противном случае для достижения такой цели можно бы было увеличивать суровость уголовного наказания до бесконечности» [17, с. 14–15]. Нельзя также не согласиться с мнением Э. Ю. Соловьёва: «Пора наконец... честно сказать: “Через карательные органы государства общество отмщает преступнику, но именно поэтому видит свою задачу в освоении и развитии юридической культуры наказания”» [18, с. 130].

О карательном элементе наказания писали и такие философы, как И. Кант и Г. В. Ф. Гегель. Так, И. Кант, высказываясь о сущности и целях наказания, отмечал: «Наказание никогда не может служить исключительно средством для достижения какого-либо блага... преступник должен понести наказание уже только потому, что совершил преступление» [6, с. 341]. Основой меры наказания, по мнению философа, является «воздаяние равным за равное» (*gleichheit*). Одно только возмездие может выражать чистую и строгую справедливость.

В то же время в нормах уголовного права, выражающего его стремление к торжеству справедливости, используется понятие, в которое в последнее время универсализирует справедливость вообще, – «социальная справедливость» [20, с. 4]. В социальной справедливости как цели уголовного наказания И. Я. Козаченко выделяет два компонента: восстановление общественной справедливости и индивидуальной (личной) справедливости относительно пострадавшего от преступления. Первая составляющая связывается, во-первых, с неотвратимостью уголовной ответственности и наказания, которая,

будучи напрямую связана с идеей справедливости в правосознании людей, так и не нашла своего законодательного закрепления в виде принципа российского уголовного законодательства, вобравшего, тем не менее, большую часть идей Ч. Беккариа, который помещал неизбежность наказания на вершину иерархии средств, предупреждающих совершение преступлений; и, во-вторых, с обязанностью понести наказание, «соответствующее тяжести совершенного преступления» [9, с. 18]. А. Ю. Кизилев также пишет: «В наказании всегда должна присутствовать “доля государства”, являющаяся важнейшим элементом “уголовно-правовой ликвидации преступления”» [7, с. 20].

Фундаментальным для уголовно-правового воздействия на экологическую преступность должен выступать принцип соразмерности, который закреплен в ст.ст. 6, 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и сформулирован как соответствие тяжести уголовного наказания параметрам общественной опасности данного преступления. Это определение раскрывает нам суть принципа справедливости, основывающегося на уголовно-правовых санкциях и оказывающего влияние на дифференциацию уголовного наказания исходя из характера и степени общественной опасности противоправного экологического деяния.

Сторонники классической школы уголовного права в свое время выдвинули знаменитый лозунг: пусть наказание соответствует преступлению. Как отмечал С. Будзинский, в 1640 г. британский юрист Д. Сельден писал: «наказание должно быть соизмеряемо с совершенным преступлением» – и находил обязательным принятие во внимание не только суммы наступивших негативных последствий, но и интенсивности проявления противоправного деяния, что также говорит о соразмерности уголовного наказания [3, с. 321].

Принцип соответствия (соразмерности) в его современном понимании закреплен не только в УК РФ, но и в законодательстве ряда западноевропейских стран. Этот принцип пытались опровергнуть группа немецких правоведов под началом Э. Дреера, выдвинув гипотезу о том, что справедливое и, следовательно, соответствующее преступлению наказание определяется рамками закона, которые социально и исторически обусловлены и изменчивы, а поэтому не могут сводиться к абсолютно определенным санкциям;

и вторую гипотезу, сведенную к утверждению, что соответствующее деянию и, следовательно, справедливое наказание не должно зависеть от установленного в законе. Германские теории, ввиду явного логического противоречия между двумя гипотезами, пришли к выводу, что принцип соответствия неопровержим.

В экологическом праве меньше говорят о наказании, нежели о профилактике повторного противоправного поведения. Карательное экологическое право почти не компенсаторно: наказание не расценивается здесь как страдание, кара, налагаемая в качестве социальной меры возмездия в ответ на зло, которое было причинено [4, с. 72–73]. Наказание, наложенное за экологическое преступление, имеет, скорее, функцию устрашения: его цель состоит в том, чтобы отвратить виновного от повторности совершения преступления в сфере рационального использования и охраны окружающей среды и ее отдельных компонентов. Соответственно, представляется, что профилактическая (превентивная) функция уголовного наказания должна быть приоритетной в уголовно-правовой модели охраны окружающей среды.

При этом стоит отметить, что государство, как правило, проявляет терпимость в плане посягательств на окружающую среду. Так, по данным Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2014 году», на территории России было зарегистрировано 25 566 экологических преступлений (предусмотренных главой 26 УК РФ), из них преступлений, уголовные дела о которых были направлены в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом, лишь 10 324 (менее половины официально зарегистрированных) [12, с. 448].

Следует также отметить тот факт, что судебная практика по делам об ответственности за экологические преступления крайне мала. Кроме того, 88 % лиц, виновных в совершении экологических преступлений, осуждаются к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Данную практику назначения уголовного наказания нельзя назвать превентивной мерой, сдерживающей преступность.

Европейский союз весьма обеспокоен ростом числа преступлений против окружающей среды и их последствиями, которые во все большей степени преодолевают границы государств, где такие преступления были совершены, пред-

ставляют собой угрозу для окружающей среды других стран и в связи с этим требуют соответствующей реакции. Очередным шагом в направлении совершенствования уголовно-правовых мер воздействия на экологическую преступность на уровне Европейского союза и входящих в него стран явилось принятие Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза от 19 ноября 2008 г. «Об охране окружающей среды уголовным правом» [13]. Государства – члены Европейского союза были обязаны к 26 декабря 2010 г. привести национальное законодательство в соответствие с данной Директивой.

В Российской Федерации, к сожалению, существующая система санкций за экологические преступления не является достаточной для обеспечения рационального природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду. Предложения же по повышению результативности уголовно-правового воздействия на экологическую преступность заключаются в том, чтобы связать уголовно-правовые санкции с экономической выгодой и доходами, полученными правонарушителем в результате совершения экологического правонарушения. Ч. Беккариа (договор о правонарушениях и наказаниях, 1764) и И. Бентам (теория о наказаниях, установленных законом, 1775) давно доказали: наказание предполагает, что зло, которое оно причиняет, превышает благо, принесенное проступком. Это верно в тех случаях, когда действует компенсаторная функция наказания; но это еще более верно в ситуациях, когда уголовно-правовые меры охраны природной среды имеют функцию устрашения.

В уголовно-правовой модели охраны природной среды выгода, извлеченная из экологического преступления, превышает наказание экономического характера. Поэтому в мерах уголовно-правовой охраны окружающей среды необходимо предусмотреть, а судам, назначающим наказания за экологические преступления, установить обязанность учитывать «рентабельность» незаконной экологической деятельности. Некоторые тенденции, опасные для экологических преступников, быстро вошли бы в привычку, если бы суд был обязан демонстрировать, что экономическая санкция, которую он налагает, превосходит непосредственный или косвенный

доход, извлеченный преступником из экологического преступления [4, с. 74].

Интересна позиция М. Бэйля, который предлагает учредить штрафы, основанные на коэффициенте умножения (x^2 или x^3 , например) дохода, полученного преступником при совершении экологического преступления. Предложенная норма обязала бы суд мотивировать свое решение и указывать, в чем именно назначенное наказание по вынесенному приговору будет превышать доход, полученный виновным. Однако назначение виновному, совершившему экологическое преступление, уголовного наказания в виде штрафа не освобождает виновного от обязанности возместить (компенсировать) причиненный вред и ущерб и не должно приниматься судами во внимание при назначении размера штрафа [4].

Помимо гражданско-правового возмещения убытков речь идет о том, чтобы наказать экологического преступника штрафными санкциями в размерах, превосходящих выгоды, полученные путем нарушения уголовного законодательства. Как говорит М. Бэйль, «это единственный путь, чтобы избежать «криминального рая» в «экологическом аду» [4, с. 75]. Аналогичной точки зрения придерживается И. В. Попов: «решить вопрос сможет введение денежного критерия криминализации деяния, который имманентно связан с размером вреда, причиненного природной среде преступлением» [16, с. 287].

Подводя итог сказанному, отметим следующее: 1) уголовная ответственность за экологические преступления должна выступать лишь крайней мерой воздействия; 2) эффективность уголовной ответственности должна быть обусловлена неотвратимостью уголовного наказания; 3) уголовное наказание по своей сущности является «карой» за совершенное деяние; 4) в целях повышения эффективности уголовно-правового воздействия на экологическую преступность предлагается связать санкции с размером экономической выгоды, полученной виновным в результате совершения преступления против окружающей среды; 5) штраф как вид уголовного наказания за экологические преступления предлагается учредить в размере, кратном сумме причиненного экологического вреда и ущерба, по примеру воздействия на коррупционную преступность.

Говоря о правовой охране окружающей среды, мы говорим о многогранной проблеме, решение которой возможно только путем реализации комплексного подхода к урегулированию данных общественных отношений как в российском, так и в международном законодательстве. Национальная концепция воздействия на экологическую преступность должна формироваться в рамках различных отраслей права, немаловажное значение среди которых имеет уголовное право.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Право и перестройка: вопросы, раздумья, прогнозы / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1987. – 176 с.
2. Бринчук, М. М. Концепция развития экологического законодательства Российской Федерации / М. М. Бринчук. – СПб. : Изд-во юрид. ин-та, 2009. – 186 с.
3. Будзинский, С. Начала уголовного права / С. Будзинский. – Варшава : Глав. склад в книж. магазинах Д. Е. Коданчикова, 1870. – 376 с.
4. Бэйль, М. Системы санкций в области экологической преступности / М. Бэйль // Эколог. преступность в Европе / сост. Ф. Комп и Л. Кремер ; отв. ред. О. Л. Дубовик. – М. : Городец, 2010. – С. 66–79.
5. Дуюнов, В. К. Наказание в уголовном праве России – предупреждение или кара? / В. К. Дуюнов // Гос-во и право. – 1997. – № 11. – С. 61–68.
6. Кант, И. Трактаты / И. Кант. – Л. : Наука, 1996. – 552 с.
7. Кизилов, А. Ю. Смертная казнь: апология / А. Ю. Кизилов. – М. : Юрист, 2003. – 50 с.
8. Ковалёв, М. И. Криминология и уголовная политика : учеб. пособие / М. И. Ковалёв, Ю. А. Воронин. – Свердловск : Изд-во УРГУ, 1980. – 58 с.
9. Козаченко, И. Я. Социально-ценностные ориентиры Уголовного кодекса России 1996 года (статья вторая) / И. Я. Козаченко // Рос. юрид. журн. – 1997. – № 3. – С. 16–22.
10. Козаченко, И. Я. Уголовное право. Общая часть : учеб. / И. Я. Козаченко. – М. : Норма, 2008. – 720 с.
11. Круглов, В. В. Проблемы повышения управленческой деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в области охраны окружающей среды и природопользования в промышленных регионах / В. В. Круглов // Бизнес, менеджмент и право. – 2012. – № 1. – С. 110–114.
12. О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2014 году : гос. докл. / М-во природ. ресурсов и экологии Рос. Федерации. – М., 2014. – 473 с.
13. Об охране окружающей среды уголовным правом [Электронный ресурс] : директива Европ. парламента Совета 2008/99/ЕС от 19 нояб. 2008 г. // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: локальный.
14. Перевалов, В. Д. Теория государства и права : учеб. для бакалавров / В. Д. Перевалов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 428 с.

15. Петров, В. В. Экология и право : моногр. / В. В. Петров. – М. : Юрид. лит., 2005. – 224 с.
16. Попов, И. В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения норм главы 26 УК РФ : моногр. / И. В. Попов. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 334 с.
17. Ременсон, А. Л. Является ли кара целью уголовного наказания? / А. Л. Ременсон // Избр. тр. – Томск : Изд-во ТГУ, 2003. – С. 14–15.
18. Соловьёв, Э. Ю. Переосмысление талиона. Карательная справедливость и юридический гуманизм / Э. Ю. Соловьёв // Новый мир. – 2004. – № 1. – С. 123–142.
19. Состояние преступности (январь – сентябрь 2015 года) [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации. – Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6629353> (дата обращения: 24.03.2016).
20. Тарасов, Н. Н. Роль социально-психологических факторов в правовом регулировании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. Н. Тарасов. – Свердловск, 1974. – 17 с.
21. Уголовное право России. Общая часть : учеб. / под ред. проф. А. И. Рарога. – М. : Эксмо, 2007. – 688 с.
22. Юридическая ответственность за экологические правонарушения [Электронный ресурс] / Юрид. фирма БРАС. – Режим доступа: <http://brasconsult.ru/press-tsentr/news/67-opublikovana-statya-yuristov-bras-o-yuridicheskoy-otvetstvennosti-za-ekologicheskie-pravonarusheniya.html> (дата обращения: 24.03.2016).